

Детство языка в антропогенезе: от первых протослов к ситуативным протофразам

В статье проводится теоретическая реконструкция ранних этапов глоттогенеза: когда первые протослова уже появились, начался рост их числа, высказывания стали включать два и более протослов. Эти протофразы, вначале реактивные (непосредственные ответы на происходящие события) затем получили новые предназначения (запреты, призывы, просьбы, жалобы, сообщения, благодарности и проч.), но пока в рамках ситуаций «здесь и сейчас». Для объяснения этих сложных трансформаций, вероятно, занявших несколько сотен тысяч лет, используются эволюционные принципы генно-культурной коэволюции (Э. Ламсден, Ч. Уилсон), культурного драйва (К. Лаланд), многоуровневого отбора (Р. Бойд, П. Ричерсон), а также концепции интериоризации, зон ближайшего развития (Л. С. Выготский), интерактивных ритуалов (Р. Коллинз), установок (Дм. Узнадзе), оперантного обусловливания (Б. Скиннер). Базовой объяснительной конструкцией является динамическая взаимосвязь обновляющихся коммуникативных забот, для обеспечения которых в особых ритуалах складываются новые речевые практики и языковые структуры. Намечаются связи соответствия между археологическими данными о гоминидах, характерных для разных этапов антропогенеза, и ступенями роста языковой сложности. Таковы краниологические данные об объеме мозга, развитии отдельных зон, а также данные об орудийных технологиях, о сроках освоения огня на разных уровнях. Приводятся доводы в пользу того, что

Н. С. Розов

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск
E-mail: nrozov@gmail.com

Nikolai S. Rozov
Dr. Sc. (Philosophy),
Professor, Chief researcher,
Institute of Philosophy and
Law SB RAS, Novosibirsk

Как цитировать статью: Розов Н. С. Детство языка в антропогенезе: от первых протослов к ситуативным протофразам // Ценности и смыслы. 2021. № 3 (73). С.27–42.

численный рост протослов начался с эпохи ранних эректусов (преархантропов) с технологией ашелья около 1,6 млн лет назад.

Ключевые слова: глоттогенез, антропогенез, когнитивная эволюция, происхождение языка, Выготский, зона ближайшего развития, интериоризация, протослова, протофразы, эректусы.

Ступени языковой сложности и теоретический подход

Значительный рост научного интереса к происхождению языка в течение последних трех-четырёх десятилетий привел к обилию концепций разной степени правдоподобия и обоснованности. Некоторые авторы предполагают, что язык возник у *Homo heidelbergensis* — гейдельбергцев [16; 17] или у *Homo ergaster*, или у *Homo erectus* — эректусов [15]. Другие считают язык еще более древним [27]. Наиболее перспективными являются *ступенчатые концепции*, позволяющие примирить эти взгляды.

Согласно принципам эволюции, в условия прорывов к каждой новой ступени языковой сложности входит освоение потенциальных ингредиентов будущих обеспечивающих структур (см. также: [2; 10; 11; 19; 21; 22; 23]).

Используемый здесь теоретический подход состоит в объяснении появления новых языковых структур как средств обеспечения закономерно появлявшихся *коммуникативных забот* — объективных потребностей передачи и понимания более точных сообщений (в том числе требований, запретов, призывов, жалоб, обвинений, предупреждений и т.п.). Эти заботы появлялись вследствие изменений социальных порядков жизни гоминид внутри групп и между группами. Сами же эти порядки с отношениями и правилами поведения менялись отчасти из-за переходов в другие экологические ниши (например, из низших падальщиков в высшие, агрессивные, затем в ниши охотников), отчасти из-за прогресса в орудийных технологиях и средствах жизнеобеспечения (уровни освоения огня и приготовления пищи), отчасти как следствия самого развития речевого общения и тесно связанных с ним черт психики: характера внимания, памяти, сознания, поведенческих установок. Поскольку ни о речевых, ни о психических процессах в группах гоминид никаких прямых данных нет, реконструкции строятся на основе интерпретации косвенных данных (археологических, палеогеографических, палеоклиматических, палеогенетических), соотносимых с общими эволюционными принципами, а также с известными закономерностями

психического, социального развития. Получаемые версии никогда не достигнут уровней достоверности и надежной эмпирической обоснованности, возможных в других предметных областях, поэтому ставится скромная задача: получить стройное, непротиворечивое теоретическое описание и объяснение этапов глоттогенеза, соответствующее известным в разных науках общим закономерностям и оставшимся от далеких эпох эмпирическим следам.

Значимость идей Л. С. Выготского: интериоризация и зоны ближайшего развития

Теоретическим ядром подхода является понятие «интериоризации», или «вращения», в результате которого каждая психическая функция сперва проявляется как социальное взаимодействие, а затем как внутренняя способность [3, с. 763–765].

Отнюдь не случайным является структурное соответствие этих процессов с воздействием интерактивных ритуалов на поведение и психику участников. *Интерактивный ритуал* — это взаимодействие двух и более индивидов в ситуации «здесь и сейчас» с общим фокусом внимания, автоматическими реакциями каждого на проявления окружающих, синхронизированными действиями и психофизиологическими ритмами, общим эмоциональным возбуждением той или иной модальности, причем полноценные, успешные ритуалы приводят к формированию, укреплению социальных отношений (солидарности с соратниками, преклонения перед вождями, авторитетами, отчуждению к отвергнутым), а также чувств, убеждений относительно сакральных предметов, лиц или идей (святынь, ценностей) [7; 14]. Далее для простоты будем понимать «ритуал» именно в этом широком социально-психологическом (и микросоциологическом) смысле.

«Зона ближайшего развития» (далее ЗБР) — важное понятие в психологии Л. С. Выготского, означающее расхождение между уровнем актуального развития ребенка и уровнем его потенциального развития, достигаемого при решении задач в сотрудничестве со взрослым или сверстниками. Таким образом, ЗБР успешно осваивается также посредством интериоризации и, добавим, *через интерактивные ритуалы с положительно подкрепленным усвоением установок и способностей как микросоциальным механизмом трансляции культурных образцов.*

В глоттогенезе подъем на каждую новую ступень становился возмож-

ным только при достижении предыдущей. Поэтому по аналогии с ЗБР построено понятие «зоны ближайшего эволюционного развития» (далее ЗБЭР). В аспекте глоттогенеза каждая актуальная ступень включала уже используемые языковые различия и структуры, речевые задатки и способности индивидов, черты социальных взаимодействий и коммуникативных практик, которые являлись потенциальными *ингредиентами* для появления новых структур, новых задатков и способностей, новых практик общения. Область возможностей модификации и сочетания этих потенциальных ингредиентов и составляла каждую ЗБЭР.

Как орудия и черепа свидетельствуют о развитии речи

Преодоление языкового Рубикона («рождение» речи) объясняется складыванием и расширением использования *нормативных ритуалов*, — когда относительно эгалитарные коалиции более слабых особей одерживали верх над агрессивными одиночками («альфа-самцами»), претендовавшими на полное доминирование [12; 20; 24; 26; 32].

Переход доминирования к коалициям резонно приурочить к появлению ранних *Ното* около 2,7 млн лет назад. Суровость межгруппового отбора по уровню внутреннего миролюбия и сплоченности групп подтверждается тем, что после 1,5 млн лет назад австралопитеков уже не осталось [5, с. 88–105].

Гоминиды, подобно антропоидам, активно использовали экспрессивные угрозы позами, мимикой, жестикуляцией и звуками, предпочитали замещать опасное прямое насилие этими психологическими поединками. Специфика нормативного ритуала состояла в дружном коллективном действе, использовании *совместной интенциональности* (долгой фокусировке общего внимания), растущей дифференцированности звуковых сигналов, которые могли в дальнейшем применяться сами по себе в качестве угроз, убедительных требований прекратить какое-либо действие [8]. Таковы были *нормативные ритуалы*, благодаря которым происходила *интериоризация групповых правил* как внутренних регулятивных *установок* [3; 9; 14; 24].

Протослова отличались друг от друга в своей звуковой форме уже не целиком, а через различие отдельных слогов, позже — отдельных фонем. Этот эпохальный прорыв от нерасчлененных звуковых сигналов к протословам, очевидно, был непростым и долгим, а о его завершении можно судить по начавшемуся росту числа протослов [1; 11; 18; 23].

Поскольку первые протослова мы связали с нормативными сигналами (дружные запреты или дружное одобрение), постольку о различении протослов можно судить по изменившимся социальным порядкам, а о последних — по развитию технологий.

Для изготовления каждого ашельского орудия требовался более долгий и квалифицированный труд. Не из каждой гальки можно сделать хорошее рубило, значит, к труду добавляется предварительный поиск материала. Все это существенно повышает «потребительную стоимость» орудия. Неизбежен был рост соблазна отобрать хорошую вещь, следовательно рос конфликтный потенциал внутри группы. Практика искусного, трудоемкого изготовления и долговременного использования орудий могла распространяться только при появлении правил принадлежности (архаичной собственности, если угодно), когда отобрать приглянувшуюся ценную вещь по праву силы уже было нельзя. Нормативные сигналы стали дифференцироваться благодаря различению слогов, обозначать действия, принадлежность, лица, предметы, т.е. превращаться в протослова.

На основе этого рассуждения оставляем примерно миллион лет на переход от нормативных сигналов к протословам — с 2,7 млн лет назад (уверенное владение олдувайскими рубилами) до 1,6 млн лет назад (переход к ашельским орудиями с двусторонней, гораздо более искусной и трудоемкой обработкой).

Тогда же некоторые виды ранних *Homo* (*Homo habilis*, *Homo rudolfensis* и др.) трансформировались в преархантропов (*Homo ergaster*, *Homo kenyaensis*), а затем, достаточно скоро по тогдашним меркам (1,4–0,4 млн лет назад) — в архантропов, или ранних эректусов [5, с. 114–121].

Неслучайно, именно с этого периода начинается ускоренный рост мозга. Если объем мозга австралопитеков был 457 куб. см, а у хабилисов (ранних *Homo*) вырос до 552 куб. см, то уже мозг архантропов достиг 854 куб. см, а у поздних эректусов 1016 куб. см [10; 15, р. 116]. Рост объема мозга не прекращался вплоть до неандертальцев и сапиенсов. Пересечение «мозгового рубикона» (750 куб. см), вероятно, было «генным ответом» на эволюционный вызов — неготовность нейронных структур для фиксации новых объемов знаков и значений, требовавших запоминания [6; 10].

Связь эта была не прямой, а опосредованной. Шел направленный групповой и половой отбор на усиление задатков к созданию более

многочисленных нейронных ансамблей, способных закреплять как сами выучиваемые в онтогенезе протослова, так и связанные с ними растущие совокупности ментальных образов [15; 19; 22; 25].

Как появлялись новые протослова

В течение всего 5–7 лет дети, продвигаясь по ступеням ЗБР, осваивают базовый лексикон родного языка. Эректусы в филогенезе за многие сотни тысяч лет наращивали лексический запас в своих формирующихся языках, ведь никто не мог им передать уже готовые культурные образцы. Каким же образом появлялись новые протослова? Совершим мыслительный прыжок от десятков и сотен тысяч лет — к минутам и часам. Новые слова, язык и сознание появлялись и эволюционировали не на небесах и в высокой абстракции, а во множестве каждодневных эпизодов коммуникации на уровне *ультрамикро*-, вполне сопоставимых со знакомой нам ситуацией обучения ребенка (Комментарий 1) [3]. Однако далее мы сосредоточимся на общении между взрослыми. Здесь общий фокус внимания, повторы, поправки, общие радостные эмоции при правильном произнесении с адекватным указанием на узнанное лицо или предмет — все эти типичные интерактивные ритуалы служат моделью для гораздо более трудного рождения протослов в антропогенезе, когда «подсказать было некому». Эректусы вовсе не заботились об умножении используемых знаков, о развитии языка, они не могли даже подозревать, что это такое. Но забота достичь понимания, несомненно, была.

Рождение правил принадлежности и доступа

Отказ от насилия между отдельными членами сообщества (запрет на него со стороны сплоченных коалиций) вел не к спокойствию, а к росту неопределенности, более того, создавал почву для каждодневных (а то и ежеминутных) конфликтов. Как объяснить отобравшему чужое рубило, что надо его вернуть? Только дружно издаваемыми звуками, красноречивыми жестами со значениями принадлежности, некими аналогами значений наших слов «мое», «твое», «не твое — чужое», «не брать чужое». Как объяснить кавалеру, что не следует силой принуждать приглянувшуюся ему даму к сексу, если она этого не хочет и предпочитает жить с другим? Поскольку конфликты такого рода были поначалу регулярными, то и норму приходилось утверждать регулярно и коллективно посредством нормативных ритуалов с уточненными сигналами.

Если уже нет угрозы быть побитым более сильным соплеменником, то почему не делать то, что хочется? Такое наглое поведение коалиция не терпела, выражала свое недовольство. Но что именно вызывало это недовольство, если уже известные правила соблюдены? Что можно, а что нельзя делать в каких ситуациях и по отношению к кому, — все это требует более развитой знаковой системы, чем выражение одобрения и неодобрения в первичных нормативных ритуалах.

Конфликты могут быть решены, только если претензии сообщены и поняты. Пока не появилось новых общих обозначений, не могло быть и понимания, значит, конфликты возобновлялись. Самые типовые конфликты (как происходит по сию пору) возникали из-за нарушения требований и правил, а сами нарушения — из-за разного их понимания, непризнания их вообще, необязательности для себя и т.п. Нарушителю вначале пытались донести, что он сделал неправильно, почему его поведение вызывает такое недовольство. А как донести? Наиболее естественно хоть как-то обозначить его действие, а затем присоединить обычное и знакомое, означающее «плохо-опасно-неправильно-нельзя-прекрати!» Второе нарушитель поймет, но почему он должен понять первое? Понять, к какому именно действию оно относится?

Когда появилась норма принадлежности (на ценные орудия с искусным и трудоемким изготовлением), то она стала распространяться и на другие формы «собственности», прежде всего на те или иные правила сексуального доступа — базовой заботы, не уступающей по значимости пропитанию и безопасности. Правила сексуального доступа должны были распространяться на будущее, на ситуации вне видимого поля, требовали обозначения «кто чья» и «кто чей», то есть, кому в отношении кого позволен или не позволен доступ. Здесь уже не обойтись жестовыми указаниями на лица и предметы. Для понимания правила нужно было обозначать членов группы, их связи между собой, предписанное и запрещенное поведение [20; 24; 26; 32].

Поэтому, кстати, вероятными претендентами на роль протослов второго ряда (после знаков одобрения и неодобрения происходящего, чужих действий) являются притяжательные местоимения, возможно с отрицанием и еще синкретично не отделенные от выражения нормы, угрозы или действия, меняющего принадлежность: например, «мой!» со значением «не твой-не бери-нельзя!» или «твой!» со значением «отдаю тебе-можно-бери!»

Более или менее устойчивая норма принадлежности — *исключительного сексуального доступа* — образует основу полигамии и/или парных связей как предтечи моногамного брака. Упорядочение сферы сексуальных и семейных отношений многое определяет в остальных сферах групповой жизни: кто кого обязан кормить, о ком заботиться, кого защищать, кому подчиняться, кого считать равным или неравным себе и т.д. Для утверждения этих отношений и правил требовались обозначения лиц (имена), связей принадлежности, а также запрещенных и предписанных действий.

Когда нет страха перед вожаком, приходится друг друга понимать и убеждать

Трудности были связаны с необходимостью координации поведения в группе. Если есть один вожак, то многие проблемы снимаются, остальные просто повторяют его действия, идут за ним. Однако в новом социальном порядке его или ее лидерство могло быть принято только с общего согласия доминирующей коалицией (Комментарий 2) [4].

Куда сегодня идти за едой? Один пытается как-то сообщить, что раньше (вчера) там-то была такая-то недоеденная туша, а другой хочет донести, что ту тушу уже съели лающие и зубастые, и тянет в другое место, желая сподвигнуть соплеменников на сбор уже созревших плодов. Но ни того, ни другого понять невозможно. Пока понимание не достигнуто, как можно куда-то двигаться? Таким образом, здесь вовсе не отбрасывается «кнут» трудностей природного окружения. Важно, что он действует через промежуточное звено — «кнут» постоянных трудностей во взаимопонимании, которые приходится преодолевать [18, р. 349–355]. Необходимость координации коллективных действий означала новую заботу — принимать общие, обязательные для всех решения [1].

Обе социальные заботы — достигать взаимопонимания относительно (не)желательного поведения и достигать согласия для общих решений — восполнялись уже испытанным путем: через произнесение новых отличающихся друг от друга протослов. По сути дела, происходил могучий прорыв в функциональном порядке: появилась *новая групповая забота* — *делать вновь появляющиеся требования, запреты, предписания, пожелания понятными*. Забота была настолько сильна и жизненно значима, что приходилось искать, перебирать выразительные средства из имеющегося арсенала (звуки, мимика, жесты), чтобы они *отличались*

друг от друга, понимались более или менее однозначно, запоминались и позволяли обучать подрастающее поколение [13].

Именно различия в звуках, а также в слитной последовательности звуков — в протословах (изначально односложных, потом их соединений) — оказались самыми удобными средствами коммуникации по всем этим критериям. Общность значений достигалась указанием, пантомимической имитацией, устойчивость звуков достигалась многократным совместным повторением (совместной интенциональностью [11; 20; 29; 30; 32]).

Трансформации языка происходили посредством *безустанных и каждодневных попыток преодолевать непонимание*, причем при сильном психическом напряжении. Мотивация же достижения понимания была очень высокой и только росла по вполне понятным причинам.

Переименование и переспрашивание — умножение протослов на уровне ультрамикрo-

Что происходило в постоянно возникавших ситуациях непонимания? Например, когда кто-то пытался донести до окружающих что-то важное, у него не получалось, но значимая забота не позволяла прерывать попытки. Когда слушатели не распознают звуки, когда не понятно их значение, выступающий не умолкает. Возбужденные соплеменники вряд ли молчат, их «зеркальные нейроны» вступают в процесс, и они «переспрашивают»: воспроизводят звуки, но только те, что им самим знакомы, понятны и привычны. Теперь уже подстраивается говорящий и наконец-то произносит знакомое протослово. Тогда понимание достигнуто, все довольны.

Усложним ситуацию. Процесс может идти по двум главным веткам: при непонимании смысла и при непонимании знака.

В первом случае протослово (сочетание двух протослов — на этой стадии больше и не было) распознано, но о чем именно пытается сообщить говорящий, осталось непонятым — нет соотнесения с ситуацией, чьими-либо интересами, с тем, что следует или нельзя делать. Общее напряжение от непонимания остается. Тогда в ход пускаются все доступные средства: жестикуляция, мимика, телесная пантомима, а также всяческие другие протослова как выражения разных версий смысла произнесенного. Вряд ли такое действие обрывалось безрезультатно, угасало без достижения понимания. Жестикуляция и пантомима должны были

помочь. Но при этом произносились дополнительные протослова, их сочетания. Достигнутое понимание непременно закрепляло положительным образом те цепочки звуков, теперь понятные всем участникам, которые сопровождали общий успех. Ну как их не повторять теперь хором и с радостью! Вполне вероятно, что «впечатанные» благодаря такого рода ритуалам протослова уже легче относятся не только к подобным, вновь возникающим наличным ситуациям, но к отдельным и не видимым сейчас предметам, лицам, действиям.

Рассмотрим альтернативный ход событий. Из контекста ситуации, видимого настроения говорящего смысл его сообщения всем понятен: к чему призывает, что хочет или требует, чьим поведением возмущен, какую угрозу имеет в виду и т.д. Однако выразил он это в звуковой форме крайне плохо, невнятно, ошибочно. Достаточно ли будет просто понять смысл и правильно практически отреагировать? Совсем нет. Говорящего непременно поправляют, произнося «правильное» протослово. Тем самым его и «переспрашивают», желая убедиться в своем правильном понимании. Что же делает говорящий, почувствовав, что его правильно поняли? Разумеется, он подстраивается и уже «правильно» произносит то протослово, с каким вначале не справился. Моменты радости понимания, опять же многократные повторы становятся эмоциональным положительным подкреплением, а значит основой «впечатывания» того звучания, которое уже однозначно понимается всеми. Иными словами, в результате этого успешного ритуала каждое протослово само становилось внутренней установкой, управляющей речевым поведением: «именно так его надо произносить, чтобы тебя поняли».

Гейдельбергцы и их речевые способности

Кроме нижнего предела освоения речи архантропами (несколько десятков протослов?) можно предположить и некий верхний предел. Считается, что часть архантропов (ранних эректусов) эволюционировала в пре-палеоантропов (средних эректусов, среди которых наиболее известными являются гейдельбергцы). С последними также связывают развитие гортани, позволявшей артикулировать ясно распознаваемые звуки [16; 31].

Дж. Златев, проведя систематический анализ четырех социально-ориентированных теорий глоттогенеза (Р. Дунбара, Т. Дикона, М. Томаселло и С. Хрдай), приходит к выводу о том, что гейдельбергский человек уже

владел «мультимодальным языком» или «общением посредством рта и рук» (hand-mouth communication) [32, p. 263]. Это и есть протослова, сопровождаемые жестикуляцией.

Считается, что гейдельбергцы впервые уверенно овладели огнем (около 350 тыс. лет назад), стали его поддерживать, научились зажигать, устанавливали очаги, что предполагало коллективное приготовление пищи. Примерно в то же время сооружаются навесы, некоторые подобия жилищ [17, с. 123; 28, p. 196].

Беречь огонь, который был «вчера-раньше» и должен остаться «завтра-позже», заготавливать топливо загодя, невозможно без расширения сознания и способности ориентироваться во времени. Групповая забота об огне, сооружение и поддержание жилищ с необходимостью требовали сотрудничества, взаимопонимания, а значит использования, как минимум, протослов, даже множества различных протослов. Столь внушительный прогресс заставляет предположить, что гейдельбергцам были доступны не только реплики в виде одиночных протослов, но и более сложные речевые конструкции.

От одиночных протослов — к реактивным протофразам

Новые появившиеся протослова могут использоваться изолированно. Способность произносить и распознавать цепочки протослов — *протофразы* — вряд ли можно четко отделить от стадии отдельных протослов. Где прозвучало одно, там тут же прозвучат и два, и три. Однако одна существенная грань есть. Протофразы, пусть без особого порядка протослов, были направлены на выражение, передачу какого-то составного смысла, соединяющего значения протослов. Протофразы изначально были речевым откликом — реакцией на нечто значимое и происходящее вокруг, обычно в зрительном поле — здесь и сейчас. Назовем такие протофразы *реактивными*. Почему они появились?

В теоретическом плане на этот вопрос можно ответить, принимая во внимание общий эволюционный принцип Г. Спенсера, который сформулируем в таком виде: *продолжающаяся дифференциация структур, обеспечивающих разные заботы, неизбежно приводит к попыткам интеграции этих структур для обеспечения более общих забот.*

Действительно, бурный рост числа протослов, отвечавший на заботы сообщения о каких-то важных частях или аспектах волнующих ситуаций (состояниях, характеристиках, действиях, угрозах или уже отдельных

объектах) был той самой *дифференциацией структур*. Соответственно, непровольное реагирование на всю ситуацию, а также желание поделиться своим впечатлением, пониманием приводило к закономерным попыткам соединять в одной реплике разные протослова.

Первоначально такая способность появилась только для типовых, повторявшихся ситуаций. Так, ребенок начинает произносить «Машинка едет», «Собачка гав-гав», «Собачка лает». Так, особо талантливый бонобо Канзи чаще всего выдавал цепочки графем типа «Хочу-банан-кушать-банан-хочу». Бонобо Канзи остановился на этой когнитивной вершине. Ребенок, благодаря генным и мозговым задаткам, а также культурному каналу притока слов от взрослых, стремительно далее развивает свою речевую способность. Эректусы со временем могли уже комбинировать протослова в цепочках, но более того, у них закрепились эта способность в генных задатках, в нейронных структурах мозга, а также в экстралингвистической культурной передаче [6; 13].

Лучшее объяснение такого закрепления — каждодневно повторяющиеся *ритуалы описания происходящего*, как публичные, так и в камерном общении. Достигавшееся взаимопонимание и согласие относительно соответствия произносимых (вероятно, многократно повторявшихся хором и с удовольствием) протофраз тому, что происходит вокруг, что видят и/или слышат собеседники, — вот что было каждодневным и потому могучим положительным подкреплением успеха данного ритуала.

Вполне вероятно, что этого уровня развития речи достигли неандертальцы. Их огромный мозг (больше, чем у сапиенсов), развитые орудийные технологии, умелое владение огнем, строительство жилищ указывают на значительный состав используемых протослов [17]. В то же время малочисленность и разрозненность их групп не создавали таких коммуникативных забот, которые протосапиенсы и сапиенсы стали обеспечивать усложняющимися конструкциями: уводящими протофразами (в далеких и невидимых ситуациях), пиджин-предложениями (с четким порядком слов), синтаксисом, грамматическими согласованиями, рекурсией, полисемией, риторическими украшениями и т.д. Но это уже предмет отдельного исследования.

Комментарии

1. Процессы освоения детьми достигнутой степени развития языка были и в эпоху антропогенеза, они играли свою немаловажную роль

в когнитивной эволюции (по принципу «только когда я стал учить других, наконец-то понял, чему обучаю») [3].

2. Высокая эгалитарность известных групп охотников-собирателей свидетельствует о том, что коалиции всегда остаются влиятельными и могут подчиняться вожакам лишь в той мере, в которой признают их лидерство, это предполагает обсуждения и оценки происходящего [4].

Литература

1. Бикертон Д. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Языки славянской культуры, 2012. 336 с.
2. Бурлак С. А. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Альпина Диджитал, 2019. 292 с.
3. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Изд-во Эксмо, 2005. 1136 с.
4. Джонсон А., Эрл Т. Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 548 с.
5. Дробышевский С. В. Антропогенез. М.: Модерн, 2017. 168 с.
6. Ламсден Ч. Дж., Уилсон Э. Прометеев огонь. Размышления о происхождении разума. М.: УРСС: ЛЕНЛАНД, 2017. 304 с.
7. Розов Н. С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы. 2010. № 5(8). С. 50–67.
8. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011. 328 с.
9. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. 451 с.
10. Фитч У. Т. Эволюция языка. М.: Языки славянских культур, 2013. 768 с.
11. Bickerton D. Language and species. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 297 p.
12. Bingham P. On the evolution of language: implications of a new and general theory of human origins, properties, and history. In: The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives / Larson R. K., Déprez V., Yamakido H. (eds.) Cambridge Univ. Press. 2010. pp. 211–224.
13. Boyd R., Richerson P. Not by genes alone: How culture transformed human evolution. Chicago: Chicago University Press, 2004. 456 p.
14. Collins R. Interaction rituals chains. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 2004. 439 p.
15. Corballis M. C. Did language evolve before speech? In: The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives / Larson Richard K., Viviane Déprez, Hiroko Yamakido (eds.). Cambridge Univ. Press, 2010, P.115-123.
16. Dediu D., Levinson S. On the antiquity of language: the reinterpretation of Neandertal linguistic capacities and its consequences // Front. Psychol., 2013, 05 July.
17. Dediu D., Levinson S. C. Neanderthal language revisited: not only us // Current Opinion in Behavioral Sciences, 2018, no 21. pp. 4955.
18. Dessalles J.-L. Why we talk. The evolutionary origins of language. Oxford Univ. Press, 2007. 384 p.
19. Donald M.X. A mind so rare: The evolution of human consciousness. New York: Norton, 2001. 371 p.

20. Dor D., Jablonka E. Why we need to move from gene-culture co-evolution to culturally driven co-evolution. In: The social origins of language / Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds). Oxford Univ. Press, 2014. pp.15-30.

21. Ferretti Fr., Adornetti I., Chiera A., Cosentino E., Nicchiarelli S. Introduction: Origin and Evolution of Language—An Interdisciplinary Perspective. In: Topoi International Review of Philosophy, 2018, vol. 37. pp. 219–234.

22. Gabora L., Smith C. M. Two cognitive transitions underlying the capacity for cultural evolution // Journal of Anthropological Sciences, 2018, no 96. pp. 126.

23. Jackendoff R. Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. Oxford Univ. Press, 2002. 447 p.

24. Knight Chr. Language co-evolved with the rule of law. In: Evolution of Language. Proceedings...6th International Conference (EVOLANG6). 12-15 April Rome, Italy / Cangelosi A., Smith A.D. M., Smith K. P. (eds). 2006. pp.168-175.

25. Laland K. N. Darwin's unfinished symphony. How culture made the human mind. Princeton & Oxford: Princeton Univ. Press, 2017. 450 p.

26. Power C. The evolution of ritual as a process of sexual selection. In: The Social Origins of Language / Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds). Oxford Univ. Press, 2014. pp. 196-207.

27. ShawWilliams K. The Social Trackways Theory of the Evolution of Language // Biol Theory, 2017, 12(4), pp. 195-210.

28. Tattersall I. A putative role for language in the origin of human consciousness. In: The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives/ Larson Richard K., Viviane Déprez, Hiroko Yamakido (eds.). Cambridge Univ. Press, 2010, P.193-198.

29. Tomasello M. The Origins of Human Communication. Cambridge, MA: MIT, 2008. 379 p.

30. Tomasello M. Becoming Human. A Theory of Ontogeny. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 2019. 379 p.

31. Wood B., Bauernfeind A. The fossil record: evidence for speech in early hominins. In: Language Evolution / Tallerman M., Gibson K. (eds). Oxford Univ. Press, 2012. pp. 258-272.

32. Zlatev J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality, and language. In: The Social Origins of Language / Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds). Oxford Univ. Press, 2014. P. 249–266.

CHILDHOOD OF LANGUAGE IN ANTHROPOGENESIS: FROM THE FIRST PROTOWORDS TO SITUATIVE PROTOPHRASES

The article provides a theoretical reconstruction of the early stages of glottogenesis: when the first protowords had already appeared, their number began to grow, utterances began to include two or more protowords. These protophrases which were at the start reactive (direct responses to events) then received new purposes (prohibitions, calls, requests, complaints, messages, gratitude, etc.) but so far within situations «here and now.» To explain these complex transformations, which probably took several hundred thousand years, the author uses the evolutionary principles of gene-cultural co-evolution

(E. Lumsden, Ch. Wilson), cultural drive (K. Laland), multilevel selection (R. Boyd, P. Richerson), as well as the concept of interiorization, zones of the nearest development (L. S. Vygotsky), interactive rituals (R. Collins), attitudes (Dm. Uznadze), operant conditioning (B. Skinner). The basic explanatory structure is the dynamic interconnection of renewing communicative concerns, for the provision of which new speech practices and linguistic structures were formed in special rituals. Correspondence links are outlined between archaeological data on different stages of anthropogenesis and the growth of linguistic complexity stages. These are craniological data on the volume of the brain, the development of its individual zones, as well as data on weapon technologies, on the timing of the development of fire at different levels. Arguments are given in favor of the fact that the numerical growth of protowords began with the era of the early erectus (prearchantropus) with Acheulean technology approx. 1.6 million years ago.

Keywords: glottogenesis, anthropogenesis, cognitive evolution, the origin of language, Vygotsky, zone of proximal development, interiorization, protowords, protofrases, erectus.

References

- *Bickerton D.* Language and species. Chicago: The University of Chicago Press, 1990. 297 p.
- *Bickerton D.* Yazyk Adama: kak lyudi sozdali yazyk, kak yazyk sozdal lyudej. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2012. 336 s. [In Rus].
- *Bingham P.* On the evolution of language: implications of a new and general theory of human origins, properties, and history. In: *The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives* / Larson R. K., Déprez V., Yamakido H. (eds.) Cambridge Univ. Press. 2010. pp. 211–224.
- *Boyd R., Richerson P.* Not by genes alone: How culture transformed human evolution. Chicago: Chicago University Press, 2004. 456 p.
- *Burlak S. A.* Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy. M.: Al'pina Didzhital, 2019. 292 s. [In Rus].
- *Collins R.* Interaction rituals chains. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 2004. 439 p.
- *Corballis M. C.* Did language evolve before speech? In: *The Evolution of Human Language: Biolinguistic Perspectives* / Larson Richard K., Viviane Déprez, Hiroko Yamakido (eds.). Cambridge Univ. Press, 2010, P.115-123.
- *Dediu D., Levinson S.* On the antiquity of language: the reinterpretation of Neandertal linguistic capacities and its consequences // *Front. Psychol.*, 2013, 05 July.
- *Dediu D., Levinson S. C.* Neandertal language revisited: not only us // *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2018, no 21. pp. 49-55.
- *Dessalles J.-L.* Why we talk. The evolutionary origins of language. Oxford Univ. Press, 2007. 384 p.
- *Donald M.X.* A mind so rare: The evolution of human consciousness. New York: Norton, 2001. 371 p.

Детство языка в антропогенезе: от первых протослов к ... протофразам

- Dor D., Jablonka E. Why we need to move from gene-culture co-evolution to culturally driven co-evolution. In: The social origins of language / Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds). Oxford Univ. Press, 2014. pp.15-30.
- Drobyshevskij S. V. Antropogenez. M.: Modern, 2017. 168 c. [In Rus].
- Dzhonson A., Erl T. Evolyuciya chelovecheskih obshchestv: ot dobyvayushchej obshchiny k agrarnomu gosudarstvu. M.: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2017. 548 s. [In Rus].
- Fitch U. T. Evolyuciya yazyka. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2013. 768 s. [In Rus].
- Ferretti Fr., Adornetti I., Chiera A., Cosentino E., Nicchiarelli S. Introduction: Origin and Evolution of Language—An Interdisciplinary Perspective. In: Topoi International Review of Philosophy, 2018, vol. 37. pp. 219–234.
- Gabora L., Smith C. M. Two cognitive transitions underlying the capacity for cultural evolution // Journal of Anthropological Sciences, 2018, no 96. pp. 1-26.
- Jackendoff R. Foundations of language: Brain, meaning, grammar, evolution. Oxford Univ. Press, 2002. 447 p.
- Knight Chr. Language co-evolved with the rule of law. In: Evolution of Language. Proceedings...6th International Conference (EVOLANG6). 12-15 April Rome, Italy / Cangelosi A., Smith A.D. M., Smith K. P. (eds). 2006. pp.168-175.
- Laland K. N. Darwin's unfinished symphony. How culture made the human mind. Princeton & Oxford: Princeton Univ. Press, 2017. 450 p.
- Lamsden Ch. Dzh., Uilson E. Prometejev ogon'. Razmyshleniya o proiskhozhdenii razuma. M.: URSS: LENLAND, 2017. 304 s. [In Rus].
- Power C. The evolution of ritual as a process of sexual selection. In: The Social Origins of Language / Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds). Oxford Univ. Press, 2014. pp. 196-207.
- Rozov N. S. Ritualy, instituty i resursy: social'nye osnovy transformacii mentaliteta // Cennosti i smysly. 2010. № 5(8). S. 50–67.
- Shaw-Williams K. The Social Trackways Theory of the Evolution of Language // Biol Theory, 2017, 12(4), pp. 195-210.
- Tattersall I. A putative role for language in the origin of human consciousness. In: The Evolution of Human Language: Bilingual Perspectives/ Larson Richard K., Viviane Déprez, Hiroko Yamakido (eds.). Cambridge Univ. Press, 2010, P.193-198.
- Tomasello M. The Origins of Human Communication. Cambridge, MA: MIT, 2008. 379 p.
- Tomasello M. Becoming Human A Theory of Ontogeny. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, London, England, 2019. 379 p.
- Tomasello M. Istoki chelovecheskogo obshcheniya. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2011. 328 s. [In Rus].
- Uznadze D. N. Psihologicheskie issledovaniya. M.: Nauka, 1966. 451 s. [In Rus].
- Wood B., Bauernfeind A. The fossil record: evidence for speech in early hominins. In: Language Evolution / Tallerman M., Gibson K. (eds). Oxford Univ. Press, 2012. pp. 258-272.
- Vygotskij L. S. Psihologiya razvitiya cheloveka. M.: Izd-vo Smysl; Izd-vo Eksmo, 2005. 1136 s. [In Rus].
- Zlatev J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality, and language. In: The Social Origins of Language / Dor D., Knight Chr., Lewis J. (eds). Oxford Univ. Press, 2014. P. 249–266.